

*Александр
Архипов-Средоров*

На сенах

Переезд. Егорка сдержал коня: следовал поезд. Из окон вагонов смотрели раненые. Улыбаясь, приветствовали мальчугана и возниц-женщин, прикорнувших было в розвальнях по дороге из своей деревни сюда, на станцию. Хвостовой вагон скрылся за поворотом.

Егоркин обоз миновал пути, пригорок и стал у топливного склада. Вокруг дома высилась эстакада, сортировка рядом. Но взгляд мальчугана всякий раз удерживался на эстакаде, которая стояла на высоченных опорах, выбросив на стороны лоток и галерею. Внизу – паровозы. По галерее подымался уголь и то и дело обрушивался в тендеры локомотивов, выжидавших свой черед. Вот уголь на тендере паровоза стал ровень

с трубой, и локомотив, блаженно охнув, словно живое существо, пошел к поворотному кругу, объятый паром, выстукивая рельсы скатами. «Здесь как надо помогают бойцам», – думал мальчуган.

– Любуешься? – Подъехал колхозный бригадир. – Индустрия на все сто, это верно. Но и нашенские дела нужны фронту. Почто мы здесь нынче, к слову сказать?.. – Сам же и ответил: – На водокачку, что в нашей деревне стоит, возить топливо, а уж она после сюда водичку качнет. Без водицы пару не будет, и паровозы не пойдут. А их вон сколько, – кивнул в сторону отправного семафора, откуда шли эшелоны на Запад, натуженно разбегаясь за переездом.

– Ладно, вот что, отвели малость ду-

шу разговорами, а сейчас о задании, что имеем: надо по две ездки сделать с угольком, а с утра на сена переключаемся. Весна наступает, рухнут дороги. Фрося поможет тебе, она из правленцев, сознательная. Я в лес еду, подзашились наши на разработках. Хозяйствуй, Егор.

В то памятное утро рассвет припозднился. Пуржило. Лошади бежали находженной рысью. Выговаривал снег под санями. Позади осталась деревня. Всюду ширь ближних лугов. Умывшись снежинками, она оживала и, сбжавшись у Первой гати, стала теснить чащобником дубняка. Лошади зацокали по зазябшей гати.

Проехали и Вторую гать и Дальние луга. Показалась грива, оседланная сосняком. Внизу притулился стожок. Запорошенный, он будто кланялся шапкой-бояркой, наскучавшись один. Лошади пробивались к нему, утопая в сугробе.

– Тпру, – остановил коня мальчуган у стога.

– Фрося, вставай на одни сани, я – на другие, будем навивать сразу по два воза.

Женщины дружно подавали пласты со стога. Воза подымались на глазах вздыбленной зеленью. В морозном устое бродил запах лета. Люди думали о своем, молчали. Похрапывали лошади.

Егорка окликнул женщин на стогу: мол, довольно. Подхватил поданный снизу бастриг и, зацепив концом петлю, что на передке саней, уложил его посередине воза. Отступил назад. Опясавшись веревкой и набросив ее свободную часть в надрубы бастрига, начал спускаться. Утягивал воз, упираясь ногами в сено. Веревка натуженно шуршала, сжимая его. Коснувшись поясницей снега, закрепил конец. Встал. Обобрал клочки с боков воза, забросил наверх. Сготовила воз и Фрося.

Стог уменьшался на глазах, будто вращался в землю.

– Похоже, управимся раньше? – спросила Фрося. – Навили четыре подводы.

– А то как же, – ответил мальчуган, – остался один – мой. Езжайте вчетвером домой, – кивнул женщинам, – мы с Фросей нагоним вас.

Подстожье слежалось, отволгло. Выстукивая вилами сено, выпирал-угадывал пласты и подавал Фросе. Конь норовил пойти за обозом, волновался.

– Должно быть, пыльного сена набирался, – забросил последний навильник Егорка.

Не мешкая увязали воз и выбрались на дорогу. Конь спешил.

– Егор, навроде бы собаки подошли к оденку нашему.

Взявшись за бастриг, взобрался на воз, – собаки тут не водятся.

Проехали дол. Дорога, все равно что приустановка странница, сонно виляла по соседским лугам. Конь рвался вперед.

– Волки! – прошептала Фрося. – Гони, Егор!

– Вот те на! – Мальчуган перехватил удобнее вилы – с обозом не разгонишься.

Звери бежали попарно. И чем резвее шел конь, тем ближе держались они.

– Возьми вожжи, запалю охапку сена!

Пахнув гарью, сено занялось пламенем. Егорка поднялся и стал размахивать им со стороны на сторону. Серые приотстали.

– Ага! Не по сердцу!

Огонь приутих, и волки – ближе. Запалил охапку побольше. Звери разделились на две стаи и пошли в обход. Мальчуган размахивал и размахивал огнем. Волки сошлись позади.

– Ой, мамочка, и что с нами будет! – всхлинула Фрося.

– Возьми факел, отпугивай, чем хныкать.

Александр Архипов-Фёдоров (1932) родился в посёлке Кузметьево близ крупного железнодорожного узла Юдино под Казанью. Окончил Казанский сельскохозяйственный институт. Автор книг «Волжская быль», «Юдинский форвард», «Родной гудок». «Синеокая»...

Дрожащей рукой та приняла пылавшее сено.

– Тяни сильнее вожжи, не давай разбегаться коню! – Нашупал топор.

Фрося глянула на Егорку: – Хочешь спуститься? Чего надумал! Не останусь одна и тебя не пущу. Заедят они там.

– Не бойсь, не мы им нужны, а конь. Тяни вожжи сильней!

Конь сбился на шаг. Озираясь, храпел, мотал головой. Колотил мордой о концы оглобель.

Волки подступили близко. Тот, что был впереди, покрупнее, завыл: «У-у-у!»

– И-и-и, – заскулил ответно ростом поменьше. Сновал позади стаи, подгонял к упряжке других, звал на разбой.

Стая завыла, заюлила, сбившись около воза. Егорка швырял и швырял в них пучки горевшего сена, метался на возу с вилами и пламенем в руках.

Конь храпел, озираясь, бил копытами. Похоже, хотел выразить, что ему в помеху все: и волки, и люди.

– Понял тебя, дружок, потерпи малость, иду, – приговаривал мальчуган. Встал на оглоблю, с нее – на другую. Ухватил под уздцы, секанул топором гуж, другой, срезал супонь и чересседельню, сбросил хомут и седелку, отсек разом подуздок и вожжи. Вытянув коня, засвистал. Тот устремился вперед. Волки полоснули вдогонку. Луговина огласилась воем. Вой откатывался дальше и дальше.

– Ура! Конь берет!

– Помолчал бы, неровен час возвратятся они, – подала голос Фрося.

– Не бойсь, не вернутся. – Забрался на воз. Вслушался. Вдали, у гати, зазывно ржал конь.

– Не-ет, коня им не взять!

Незваной мачехой подобралась ночь. Укрыв все вокруг сарафаном прохладным, она баюкала тревожным шепотом.

Перемежилось. Ветер, нагулявшись за день, замирал в зарослях, нашарив там свой приют и ночлег. Послышался лай, потом визг.

– Это еще кто? – вздрогнула Фрося.

– Лиса Лисевна, кому же быть? Хозяйкой осталась, – успокоил Егорка, – небось радешенька, что не загостились серые.

– Как выберемся отсюда?

– Конь объявится дома, и наши махнут сюда.

– А девчат не настигнут волки?

– Куда им. Посчитай, сколько мы грузились, да сколько ехали. Подводы наверняка на Шири были. А там рядом станция, гудки, огни. Волки струсят: светомаскировку сняли.

– И как догадался ты, Егор! Если бы погнали дальше, была бы нам «светомаскировка»...

Заснеженный луг в ночи, и двое. Наступали прохлады и дрема... Там, у деревни, выстрел, другой, голоса – приглушенные, еле слышные.

– Здесь мы, здесь! – Не удержался мальчуган.

– Похоже на Шири уже наши, – шептала Фрося.

Опять стихло... Вдруг у Первой гати синим пятном объявилась упряжка. Голоса, фырчанье лошади. Мелькнули цигарки.

– Господи, дождались, кажется! – прослезилась Фрося.

Егорка – навстречу.

– Перепугались? – различил голос бригадира.

– Было немного, – ответил мальчуган.

– Досталось как следует, – выдала Фрося.

– Пришлые они, звери-то, не водились в нашеньких местах давненько; война подняла их, война, – потужил бригадир.

Нагая

В бытность машинистом папа водил поезда, вернулся в тот памятный день из поездки уставшим и все же бодрился: у нас была елка.

На гостье из леса густо игрушек, все больше бумажные, самодельные, намастерили которые мы, детвора, под оком моей тети. Она горазда на разные выдумки, слыла непоседой и затейницей, любила нас, детей, хоть своих не имела. Кое-где на елке висели конфеты. Настоящие. Пробегая мимо, мы, ребята, провожали их острыми взглядами, руки так и тянулись к ним, мы ощущали, кажется, их вкус и запах. Но велено было ждать. И никто из нас, даже из тех, что не признавали запретного, не касался их. Конфеты снимала обычно поздним вечером тетя, когда праздник кончался, и раздавала поровну каждому.

На самом верху дерева сверкала макушка, главная из игрушек. Ее уберегла – вынесла из давнего своего детства тоже тетя. Под елкой зайка. Он матерчатый, и впрямь настоящий, что ни на есть самый лесной. Усевшись в пышную вату и блески, будто в сугроб, наметенный в непогодь, сумерничал себе на радость, сидел ни гу-гу. У него и хвостик, и лапки, и вислые ушки, и пуговики-глазки. Чудный зверек!

Меня дивили разноцветные шары и шишки, которые, приняв свет от лампы, дарили обратно своим отраженьем голубые искристые звездочки, трескучие, яркие: луна и ночь во дворе.

Мальчишки рады-радешеньки: звучала гармонь.

Играл папа. Желание каждого из нас было потрогать тот зевластый инструмент, коснуться хотя бы какой-нибудь клавиши, извлечь звук самому. Но строгий бас гармони и яркий отблеск лучей перламутра на ее корпусе словно предостерегали нас. И мы стояли рядом затаив дыхание, слушали музыку как за-

вороженные, не в силах даже шевельнуться.

Тетя вела хороводом девчонок. На лицах каждой улыбка и взрослость. Шли они то валким шагом, то, вдруг оживившись, ускоряли ходьбу и, приговаривая, хлопали разом в ладоши или, взяв ровный шаг, заводили скороговоркой песню, держались озорно и надменно, склонив горделиво прибранные головки в одну сторону.

И... война.

Взрослые поредели, зато поприбавилось подростков. Они заменили ушедших на фронт. Не стало у нас ни отца, ни гармони. Мы оробели сначала, но вскоре, осмелев, возмужав, что ли, нередко напевали по вечерам дома то, что наиграл нам на елке отец. Изображая гармонь движением рук, «извлекали», мельтеша пальцами, нужные звуки брызжанием губ и напевом. Расходились иной раз настолько, что вряд ли наш ребячий содом можно было бы сравнить с каким еще на целом свете.

Мама сказала как-то:

– Надо бы сходить за гармонью-то к дяде моему, к Ене, за Волгу, две у него, выменять на зерно одну из них. Извелись, вижу, по ней, разговор с ним был у нас по Покрову еще.

Мы присмирели, оцепенев от счастья: будет у нас гармонь. Настоящая! Знали также, что он, Еня, как только началась война, присоветовал маме отдать старшего из нас учеником токаря, на «железку», а среднему – пойти в колхоз, где выдавали натурой, младшему, мне это, значит, учиться. Старшие, мол, закончат школу после победы. Знали мы также, что на печи у нас мешок зерна, полученный братьями осенью (старший помогал и колхозу), последний.

– Мы ходим с младшим обыденкой к нему, – отозвался старший, – после моей ночной смены. За день надо нам

успеть туда и обратно, приболел напарник.

Той смены мы дождались и, уложив в санки узелок с хлебом, пустились в дорогу. Не ахти торная, вывела она сначала к Волге, а после – к Свияге. В устье стоял монастырь. Забытый и ветхий, придулился он у самой подошвы горы, а дальше, вверх по реке, была деревенька, где наша гармонь. Чем ближе к ней, тем явственнее ощущали мы колотье в груди, забирала нас радость. Скоро над нами слева на взгорье показались избенки. Неказистые, изношенные временем, взобравшиеся невесть как на самую кручу и присевшие на косогор своим подворьем, они глядели без усталости на луг и речку небольшими оконцами, должно быть, долгие годы: бревна обзавелись глубокими щелями и, потемнев, ослабились колючими зубками по торцам, в местах бывших возрастных колец древесины.

В домишке, куда мы вошли, сидел мужичок. Не обращая на нас внимания, сетовал на ветхость рыбацкой сети, которую ладил.

– Дядя Ень, мы привезли, – проговорил брат с порога.

Хозяин молчал. Протаскивая вязальную иглу сквозь ячейки сети, утягивал с прихрустом нить в узлы. Выждав, заговорил:

– А я подумал было, что вы не придете и навряд ли с голодухи забыли и про хлеб. Разговор с матушкой вашей коли был?

– В Покров день, – ответил брат.

– То-то, что в Покров еще, – выглянул из-под очков Еня. – По Покрову, молодцы, – добавил с лукавинкой в глазах.

В той тишине, какая установилась в избенке, я почувствовал шумок в голове, захотелось присесть или хотя бы опереться на что-то, но рядом, кроме топчана, где сидел хозяин, не было ничего. «Не будет у нас гармони», – подумалось.

Дядя Еня спустился с топчана. В очках и валенках выше колен он походил на кота в сапогах, смешным не казался, однако. «Невелик, а пригляден, – мельк-

нула у меня догадка, – свойский». Склонившись, вынул гармонь, с виду строгую, темного цвета, повыше той, на которой играл папа. Присев и устроив инструмент поудобнее, заиграл. В избе ожило. Посветлело словно. Зазвучал бодрый игривый голос:

Вдоль да по речке,
Вдоль да по быстрой
Ли-хо-ой мо-оло-дец
Плыве-ет...

Пристукивая ногой и глядя отрешенно в передний угол, дядя Еня творил новое дело, умеючи и так же старательно, как только что налаживал сеть, с той разницей, что сейчас и лицо, и голос его, повеселев, подобрели, стали другими, роднее и не такими строгими, чем когда мы вошли.

И я, и брат, похоже, забыли, зачем пришли и где мы. Песнь и гармонь увели нас в другую жизнь, в никуда, где никого, где и нас-то самих будто вовсе нет, – небытие вокруг да и только.

Оконце избенки приглянулось лучику солнца, по-зимнему робкому, блеклому, запоздалому. Хозяин умолк. Взяв аккорд-другой, перестал играть. Нажав на басовый клапан, выпустил запас воздуха из гармони.

– Другую казать не стану, не продается она. Хотите, забирайте эту... Нагую. Голос она имеет что надо, вровень старинным, к тому же с грустинкой. Нагая, братцы, гожа для песенных и плясовых мотивов. Словом, не прогадаете.

Не знаю, о чем думал брат, а я – о той гармонии, о прежней, на которой играл отец, с ярким рисунком из перламутра на корпусе, знал, что прежние красивые, звонкие. Такая у дяди Ени тоже была. И вот: «Не продается».

Хозяин смекнул, о чем наши задумки.

– Вижу, сумлеваетесь: раз нагая «современка», раздумья берут, смотрю, обоих. Согласен, она и цвета темного и без художеств на внешности. Но голова-то все одно стальные, точно такие же, как и у тех, у старинных. Замечу еще, что Нагая – прочна. На ваш век хватит

ее, играйте себе на здоровье, а подучитесь, купите новую, если разонравится эта. – Забирайте, пока не раздумал. И день нынче зимний, недолгий, а до дому вам недалеко.

Уложили мы Нагую в санки и спустились к Свяге. Спешили знакомой дорогой, забыв сомнения. Сумерки. Снег звонче, чем давеча, как живые, катились салазки, на них наша покупка!

Достигли мы Волги. Дорога вела правым берегом, вверху Жигули над нами. Я позади и не свожу глаз с гармонь. Споткнувшись вдруг, навалился на нее рукою, стал.

– Волки! – кивнул брат на торосы льда, что у берега, у самой закрайницы. Суется, звери рычали, сильные теснили слабых, покусывая, гнали их от себя прочь. Те упрямылись, хотели тоже урвать свою долю, не уступая, грызлись нещадно.

Как разъярились! Невелика, видно, их жертва, мы бы не сгодились вприкуску.

– Бери, братишка, гармонь, и садись в санки, повезу. Шуми-играй покрепче в Нагую.

Устроив меня на возке, брат пошел, набросив бечеву на плечи.

– Они бегут за нами! – закричал я.

– Пусть, играй пошибче! Погибать, так с музыкой!

И я старался. Растягивая и сжимая вовсю мехи гармонь, нажимал на клавиши враз и в одиночку, слушал, как звенели ее голоса, приложив ухо к корпусу. Забывшись, подбирал на слух то, что

играли отец и Еня.

Передний волк близко, вот он, вьется, до него рукой подать, он не из сказки, а с глазу на глаз со мною, рядом и морда, и глаза, и уши. Голова лобастая, большая, шерсть на ней клочьями, в глазах тупость и грусть, смотрят они не мигаючи. Раскрывая пасть, зверь то ли вздыхал, то ли раздумывал о чем, издавая невнятное хрым:... хрым... Сдавлив челюсти, хмыкнул, выдохнув шумно, как бы жалея кого, задрал морду, завыл: «У-у-у»...

– Он что, запел? – окликнул брат.

– Вр-роде этого, – ответил я.

– Играй веселее, шуми!

Хватая и бас, и лад, я играл, поняв, что в этом спасенье. Зверье семенило вблизи тесной стаей, вожак молчал и прискуливал, будто и впрямь припевая под музыку или выражая недовольство. Задние вперед не рвались.

– А у тебя получается, – опять приободрил брат, – до дому подберешь, пожалуй, что-нибудь.

Мне ничто не запомнилось больше, наигравшись в гармонь и насмотревшись зверья, устал, «ушел в себя». Очнулся дома, когда забрезжило утро.

Нагая? Вот она, на комод, рядом! За день разучил все мелодии, какие слышал раньше, подобрал и гортанные вздохи зверя, тон его воя. И если доведется когда и нынче взять в руки гармонь, кончаю игру волчьими звуками, что вынес в ту пору, из детства. Оба, и волк и брат, вспоминаются: сохранили мне жизнь.